

Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект)

Д. А. Пашенцев

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 24

Для цитирования: Пашенцев, Дмитрий А. 2018. «Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект)». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 139–156. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.202>

В статье анализируется понятие правовой традиции, раскрываются особенности отечественных правовых традиций применительно к социальной деятельности государства в период империи. Автор рассматривает влияние правовых традиций на формирование системы общественного призрения и частной благотворительности в Российской империи. Показано значение правовых традиций для развития социального законодательства и правоприменительной практики. Проанализированы нормы Устава об общественном призрении, ряда других законодательных актов, действие которых распространялось на социальную сферу. Подчеркивается острая социальная ситуация, которая заставляла правительство Российской империи предпринимать меры по развитию общественного призрения. В условиях длительной консервации феодальных отношений в Российской империи сохранялся сословный характер общества, что влияло и на правовое регулирование. В соответствии с этим формирующаяся система социальной помощи в Российской империи также была организована по сословному принципу. Показаны нормативные основы социальной деятельности среди духовного сословия. Отмечается факультативный характер благотворительной помощи. Проанализирован правовой статус приказов общественного призрения. Подчеркивается роль Министерства внутренних дел в регулировании вопросов благотворительности. Показано практическое значение примерных уставов благотворительных обществ. Сделан вывод о том, что правовые традиции определили следующие особенности реализации социальной функции государства в период Российской империи: делегирование государством полномочий по реализации социальной функции негосударственным структурам как в организационном, так и в финансовом плане; императивный характер правового регулирования социальной сферы; жесткий административный контроль благотворительных обществ и учреждений; сословный и факультативный характер социальной помощи.

Ключевые слова: правовая традиция, Российская империя, общественное призрение, благотворительность, социальная сфера, законодательство, социальная функция государства.

1. Введение. Вопрос об отечественных традициях правового регулирования социальной сферы представляется актуальным в связи с тем, что он непосредственно связан с пониманием социальной функции государства, которая в современных условиях перманентного финансово-экономического кризиса становится одной из главных, приобретает основополагающее значение для стабилизации

общественных отношений. Реализация этой функции не только зависит от текущих факторов (правовых, политических, экономических), но и во многом детерминирована традициями, складывавшимися веками и проявляющими удивительную жизнеспособность. Правовая политика, проводимая современным Российским государством в социальной сфере, должна учитывать имеющиеся традиции ее правового регулирования, их динамику и влияние на правоприменительную практику.

Обращаясь к методологии исследования традиций правового регулирования социальной сферы, отметим, что правовые традиции невозможно интерпретировать в рамках материалистического подхода к историческому процессу. Правовая традиция по своей сущности нематериальна, порой даже иррациональна. Ее истоки следует искать в поведении людей, их психике и психологии, правосознании. Поведение людей в правовой сфере детерминировано не только материальными факторами, но и теми идеями, которые господствуют в социуме, порой передаваясь из поколения в поколение, теми неписаными принципами, которые устойчиво воспроизводятся, несмотря на смену социальной реальности. При этом можно согласиться с Н. Луманом в том, что иррациональные элементы при определенных условиях могут выполнять и рациональные функции (Luhmann 1973, 14), о чем может свидетельствовать воплощение христианских идей милосердия в системе общественного призрения. В итоге сочетание иррациональных факторов, присущих правовой традиции, и рационального подхода государственных властей порождает такое явление, как конструирование новых социальных институтов (Lacklau 1990, 160).

В связи с этим представляется целесообразным использовать в качестве методологических ориентиров положения современной постклассической юриспруденции, которая придает особое значение человеку как субъекту права, рассматривая его как центр правовой системы. Помимо этого следует использовать социологический подход к правопониманию, который трактует право как норму в действии, акцентируя внимание на возможностях и особенностях ее реализации. Такой подход позволяет определить, насколько принимавшиеся нормы повлияли на развитие социальной сферы, в какой мере они воплотились в правоприменительной практике, т. е. стали практическим отражением имевшихся правовых традиций.

Хронологические рамки исследования охватывают период истории Российской империи, который имеет качественное своеобразие в правовом регулировании социальной сферы. Именно в это время и зарождались многие традиции, существующие и успешно воспроизводящиеся в наши дни. Кроме того, период империи стал временем начала формирования социального законодательства, и этот процесс испытывал на себе влияние национального правового менталитета. После революционных событий 1917 г. возобладали принципиально иные подходы к социальному обеспечению, которые, в свою очередь, были разрушены в ходе событий 1990-х гг.

2. Основное исследование. В России систематический подход к формированию законодательства социальной направленности как основа для реализации социальной функции государства начинает складываться только в период империи. Этот опыт, связанный с попытками правительства с помощью законодательных актов способствовать улучшению социальной ситуации в стране, изучен явно недостаточно. В то же время его осмысление позволяет сделать выводы как об осо-

бенностях российских правовых традиций, так и о возможности их применения в современных условиях.

Вопрос о правовом регулировании социальной сферы можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле слова.

В узком понимании социальное законодательство трактуется как система норм, регулирующих вопросы социальной помощи нуждающимся: призрение престарелых и сирот, выплата пенсий и пособий, благотворительность.

В широком смысле социальным законодательством можно считать совокупность актов, направленных на реализацию социальной функции государства, которая включает в себя не только помощь нуждающимся, но и создание равных условий для всех членов общества, что означает в первую очередь доступ к получению образования, а также медицинского обслуживания. При таком подходе социальная сфера общества будет включать в себя всю совокупность отношений и институтов, связанных с призрением, благотворительностью, пенсионным обеспечением, образованием и здравоохранением, т. е. с реализацией социальных прав личности. Обращение к широкому пониманию выводит нас на социальную функцию государства и позволяет комплексно показать соответствующую правотворческую и правоприменительную деятельность. В то же время возможности использования такого подхода осложнены излишне широким предметом исследования, что не позволяет в рамках отдельной статьи сосредоточиться на выявлении сущностного содержания соответствующих правовых традиций. В связи с этим в рамках статьи социальная сфера общества рассматривается в ее узком понимании.

Исследование отечественных традиций правового регулирования социальной сферы должно опираться на понимание смыслового содержания исходного термина «правовая традиция».

В современной научной литературе существуют различные подходы к пониманию и интерпретации правовой традиции. Все они могут быть условно разделены на две группы в рамках узкого и широкого направлений.

В узком понимании правовые традиции просто отождествляются с правовыми обычаями (Оспенников 2007, 535).

В широком понимании интерпретаций существенно больше. Например, Г. Дж. Берман характеризует правовую традицию как процесс сознательной передачи между поколениями правовых институтов, понятий и ценностей (Берман 1998, 19).

А. А. Дорская понимает правовую традицию как совокупность тех ценностей и установок в сфере права, которые сознательно поддерживаются обществом, а иногда и государством (Дорская 2016, 32).

К. В. Арановский трактует государственно-правовую традицию как «нормативно-ценностный комплекс», сложившийся исторически (Арановский 2002, 47).

По нашему мнению, правовую традицию можно рассматривать как исторически сложившуюся в рамках конкретного общества и развивающуюся совокупность принципов построения национальной правовой системы, которая выражается в существующих нормах, правовых обычаях, ценностях и представлениях о праве.

Если суммировать имеющиеся точки зрения, получается, что зарубежные и отечественные ученые едины в следующих характеристиках правовых традиций. По их мнению, правовые традиции:

- поддерживаются и воспроизводятся обществом;
- передаются от поколения к поколению, обладают преемственностью;
- связаны с господствующими в социуме ценностями.

Т. В. Шатковская подчеркивает большое значение правовых традиций, которое проявляется в том, что традиции, устанавливая нормативные границы поведения субъектов общественных отношений, тем самым способствуют укреплению внутрисистемных связей; они обеспечивают преемственность права и гармонизацию отношений в обществе (Шатковская 2014, 51–52).

Дискуссионным является вопрос о соотношении правовых традиций с правовой культурой. Близость этих понятий подчеркивают В. П. Сальников (Сальников 2012, 55) и Г. В. Мальцев (Мальцев 2013). Д. А. Вовк разграничивает их (Вовк 2012, 173). По нашему мнению, у правовой культуры и правовых традиций есть объединяющая их ценностная составляющая. Именно определенный набор правовых ценностей составляет основу правовой культуры, и этот же набор ценностей выражается в правовой традиции, образуя ее сущность и определяя отличительные черты.

Интерпретируя сказанное применительно к правовым традициям регулирования социальной сферы, отметим следующие положения, выступающие исходными основаниями для нашего исследования:

- правовые традиции в социальной сфере должны иметь ценностное содержание, которое, согласно авторской гипотезе, связано с историческими традициями милосердия и нищелюбия, поддерживавшимися Русской православной церковью;
- правовые традиции первоначально выражаются в виде правовых обычаев, а затем оказывают влияние и на законодательство, получая нормативное закрепление;
- правовые традиции должны не просто регулярно отражаться в принимаемых государством нормативных актах, направленных на регулирование социальной сферы, но и воплощаться в повседневной практике субъектов реализации права; нередко именно существующая правовая традиция, а не законодательные нормы определяет конечное содержание действий субъектов права;
- нормы права, не соответствующие имеющимся правовым традициям, не превращаются в «живое» право, их реализация осложнена ментально-психологическим неприятием всех субъектов соответствующих правоотношений.

В качестве примера, раскрывающего содержание последнего из высказанных тезисов, приведем направленное на борьбу с нищенством законодательство Петра I. В правление первого российского императора был принят ряд актов, которые устанавливали запрет как заниматься нищенством, так и подавать нищим милостыню. Принятие этих актов было социально обусловленным, так как нищенство превратилось в России в профессиональное и массовое явление, и государство, стремившееся каким-то образом упорядочить общественные отношения в социальной сфере, должно было принимать меры к его ликвидации или, по крайней мере, сокращению.

В то же время указанные акты противоречили по своей ценностной направленности исходным и традиционным ценностным ориентациям населения, основанным на христианской морали, включая тексты Священного Писания и творения Святых Отцов.

Вдохновлявшиеся пастырями церкви русские правители всегда стремились подавать пример личного милосердия. В историю вошли те примеры активного благотворения, которые подавали своим подданным великие князья и цари, начиная с Владимира Мономаха и заканчивая Алексеем Михайловичем, отцом Петра I.

Представляется вполне оправданной точка зрения, согласно которой именно христианские идеалы способствовали складыванию традиций оказания социальной помощи нуждавшимся; в дальнейшем эти традиции послужили основой формирования соответствующей государственной политики (Карева 2016, 16)

Сформированная в течение веков традиция нищелюбия противоречила вновь принятым правовым актам и в итоге оказалась сильнее. Указы Петра I не смогли победить нищенства и традиции милосердия, тем более что они не предлагали взамен всеобъемлющей и организованной социальной помощи. В числе прочего этот пример свидетельствует о том, что императивное правовое регулирование отношений в социальной сфере в отечественной действительности оказалось малоэффективным.

В основе правовых традиций лежит коллективная оценка общих практик, которые складываются во взаимодействии между поколениями (Sullivan 1982, 158). Принятые Петром I нормативные акты, противоречившие этой оценке, не смогли существенным образом повлиять на правовые традиции, несмотря на всю принудительную силу государства.

Традиция имеет ментальные основания, она коренится в правосознании, и сломать ее одними запретительными законами сразу не получается. Для формирования правил поведения, которые составят основу новой правовой традиции, требуется достаточно длительное время; кроме того, нужны целенаправленные усилия по правовому воспитанию населения, по трансформации правового менталитета субъекта права.

Что касается ценностного содержания отечественных правовых традиций в социальной сфере, то помимо уже названных милосердия и нищелюбия важную роль играла справедливость. Ценностное наполнение справедливости в ее российской интерпретации связано с идеей равенства. Справедливость при таком понимании рассматривается не как распределение («каждому свое»), а как уравнивание (всем одинаково, но с поправкой на сословную принадлежность). В связи с этим социальное расслоение и материальное неравенство в рамках одного сословия трактовались как несправедливая, требующая исправления ситуация. Это повышало ценностную значимость деятельности в сфере благотворительности и общественного призрения.

Постклассическая юриспруденция в качестве одного из важных методологических направлений предлагает конструктивизм, который позволяет рассматривать государство и право как искусственно создаваемые конструкты, которые воспроизводятся в повседневных практиках (Gergen 1994, 184).

В процессе конструирования социальной реальности государство принимает правовые нормы, так как право выступает одним из важнейших компонентов та-

кого конструирования. Но адресаты этих норм выступают не объектами, а субъектами в соответствующих отношениях. Отсюда вытекает необходимость субъектно-субъектного подхода, характеризующегося обратной связью и взаимным воздействием. Население страны как носитель правовых традиций воздействует на государственную власть, в том числе влияя на правоприменительную практику. В итоге порой усилия государства по созданию того или иного социального конструкта, противоречащего существующей правовой традиции, оказываются бесполезными.

Социальные конструкты, которые возникают в результате «опривычивания» существующих повседневных практик, не являются застывшими и неизменными. Они находятся в состоянии постоянного переосмысления и трансформации, и вместе с ними переосмысливается и трансформируется соответствующая правовая традиция (Честнов 2017, 178).

Если государство действует с учетом имеющихся правовых традиций, то его действия соответствуют ожиданиям социума, его внутренним потребностям. Итогом становится укрепление всей системы социальных связей, что в конечном счете соответствует сущности государства (Lasswell 1960, 245).

До начала периода империи в России сложилась устойчивая правовая традиция регулирования отношений в социальной сфере, для которой были характерны следующие черты: отсутствие систематической и целенаправленной деятельности государства по конструированию социальных отношений в их узком понимании; поощрение милосердия и нищелюбия, факультативной помощи в виде подачи милостыни; перенос акцента с организованных форм социальной помощи на личное благотворение. Регулирование отношений в этой сфере было диспозитивным, связанным с минимумом запретов, но в условиях общей императивно-запретительной направленности российского законодательства оно также неминуемо приобретало императивный характер.

В период империи приходит осознание государственными властями необходимости принятия мер по решению острых социальных вопросов. Социальная ситуация была крайне острой, на нее влияло сильное имущественное расслоение населения, периодически случавшийся голод, постоянно повторявшиеся войны, эпидемии и пожары. В условиях отсутствия государственной системы социального обеспечения и организованной медицинской помощи все это приводило к росту сиротства, нищенства, высокому уровню смертности, в том числе детской.

Именно в период империи начинает формироваться институциональная основа для оказания социальной помощи нуждавшимся подданным. Это выразилось в создании приказов общественного призрения, которые в течение длительного времени оставались единственными государственными органами, чья деятельность была непосредственно связана с реализацией социальной функции.

Создание приказов общественного призрения укладывалось в рамки отечественной правовой традиции, которая была связана с попытками государства решать имеющиеся проблемы с помощью создания новых структур.

Приказы общественного призрения были созданы в ходе губернской реформы 1775 г. Нормативной основой их деятельности стали «Учреждения для управления Губерний Всероссийской империи» (Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. XX. СПб., 1830. № 14392).

Правовой статус приказов общественного призрения показателен для еще одной отечественной правовой традиции, которая проявляется и в наши дни, — традиции перекладывать решение социальных вопросов, включая бремя их финансирования, на местные органы. Приказы общественного призрения создавались в городах, долгое время подчинялись губернаторам, но позднее были переданы в ведение Министерства внутренних дел (1832 г.).

Создание приказов общественного призрения не могло принципиально изменить социальную ситуацию в Российской империи, существенно повлиять на реализацию государством социальной функции. Причины этого кроются в особенностях регулирования их деятельности, которая с самого начала была поставлена в сложные условия. Эти органы работали не постоянно, не имели надежных источников финансирования, соединяли множество различных функций и направлений деятельности. В то же время сам факт их создания показателен в том отношении, что государство впервые предприняло определенную, пусть и ограниченную, попытку отказаться от политики делегирования своей социальной функции общественным и религиозным структурам и частным лицам.

Важным моментом в регулировании социальной функции государства стало принятие в 1832 г. Устава об общественном призрении (Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XIII). Важность принятия этого акта для формирования и развития правовых традиций в социальной сфере определяется следующими обстоятельствами:

- 1) Устав об общественном призрении стал первым в истории отечественного законодательства кодифицированным актом, который был направлен на регулирование вопросов оказания социальной помощи нуждавшимся;
- 2) этот акт закрепил легальное понятие общественного призрения и определил его предмет, к которому относились вопросы создания как общественных, так и частных «богоугодных» заведений, их содержания и управления ими. Назывались и виды таких заведений: сиротские и воспитательные дома, больницы и дома для призрения умалишенных, богадельни и работные дома для прокормления неимущих с помощью работы. Список заведений позволяет сформировать и список тех категорий лиц, которые попадали в сферу их действия: сироты, престарелые, умалишенные, больные, неимущие;
- 3) принятие Устава об общественном призрении позволило упорядочить систему правового регулирования социальной поддержки нуждавшегося населения.

Несмотря на очевидное позитивное влияние принятия Устава об общественном призрении на реализацию социальной функции государства, этот правовой акт не регулировал всего круга вопросов, связанных с оказанием поддержки нуждавшимся. Вне сферы его действия, в частности, оказались вопросы пенсионного обеспечения, которое не было всеобщим и представляло собой, скорее, исключение, чем правило.

В условиях длительной консервации феодальных отношений в Российской империи сохранялся сословный характер общества, что влияло и на правовое регулирование. В итоге фактически сложилась правовая традиция, которая была связана с наделением правами и обязанностями по сословному принципу и с неравным

статусом сословий. В соответствии с этим формирующаяся система социальной помощи в Российской империи также была организована по сословному принципу, что закреплял и Устав об общественном призрении. Согласно его нормам все заведения социального призрения делились на три вида: общественные, частные и церковные. Внутри этих видов также существовала внутренняя структуризация, которая отражала сословное деление общества. Анализ законодательства показывает, что фактически отдельные формы призрения и социальной помощи были предусмотрены для таких категорий населения, как дворянство, духовенство, крестьянство, мещанство. При этом в большинстве случаев задачи оказания социальной поддержки нуждавшимся возлагались на то сословие, к которому эти нуждавшиеся принадлежали.

К числу привилегированных сословий российского общества относилось духовенство, часть которого тем не менее испытывала серьезные материальные трудности. Священники, служившие в небольших и отдаленных приходах, порой даже голодали, вынуждены были заниматься сельским хозяйством, чтобы прокормиться. Пенсионное обеспечение у значительной части духовенства отсутствовало. В рамках оказания сословной благотворительной помощи нуждающимся представителям духовенства в 1823 г. было принято решение о создании епархиальных попечительств о бедных духовного звания. Создание и деятельность этих попечительств регулировались специальным нормативным актом — Положением «О призрении бедных духовного звания» (ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 38. С. 172–176).

Особенности епархиальных попечительств вполне укладывались в рамки сформировавшихся правовых традиций: они были децентрализованными, подчинялись местным епископам, государственное финансирование их деятельности не предусматривалось. Размер и порядок назначения пособий законодательством не регламентировались, контроль за деятельностью попечительств отсутствовал, что снижало эффективность их деятельности.

Стремлением правительства использовать разветвленную сеть церковных приходов для оказания социальной поддержки нуждавшемуся населению объясняется создание законодательной базы для деятельности таких структур, как приходские попечительства. Примечательно, что эти структуры стали создавать сразу же после отмены крепостного права, так как крестьянская реформа 1861 г. изменила всю структуру социальных отношений в деревне, исключив помещиков из числа субъектов оказания поддержки нуждающимся крестьянам. Отмена вотчинных прав помещиков, создание крестьянского самоуправления — все это создавало определенные потребности в организации на селе системы социальной помощи. Наличие приходов стало одной из предпосылок для этого, но требовалось создать и соответствующие институты.

2 августа 1864 г. был принят новый правовой акт, затрагивавший социальные вопросы, — «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» (ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. С. 689). Данный акт, который заложил основы для развития приходской благотворительности, имел следующую особенность: на приходские попечительства помимо собственно оказания социальной помощи нуждающимся возлагались и иные задачи, в том числе забота о благоустройстве храмов и создании школ. С одной стороны, такое объединение ряда приходских вопросов в рамках одного института представляется вполне логичным,

но с другой — вопросы благотворительности, которые требовали особого внимания и существенного финансирования, фактически отодвигались на второй план.

Источником финансирования деятельности попечительств являлись добровольные пожертвования, которые собирались в особые церковные кружки. Размер пожертвований сильно зависел от прихода. Богатые приходы в Санкт-Петербурге и Москве могли рассчитывать на многочисленные пожертвования, которые в итоге приносили весьма крупные суммы. Этих средств могло хватить и на благоустройство храмов, и на благотворительную помощь. Как отмечают современные исследователи, московские попечительства выходили в вопросе сбора средств за рамки законодательства, устанавливая обязательные членские взносы — от 3 до 5 руб. в год (Панкрат 2011, 94). В маленьких сельских приходах рассчитывать на сбор больших сумм не приходилось, и заниматься благотворительностью попечительствам было фактически не на что.

Каждое попечительство имело свой устав, в котором дополнялись и конкретизировались существовавшие законодательные нормы. Например, в некоторых уставах предусматривалось оказание помощи не только деньгами, но и продуктами, одеждой и т. д.

Анализ законодательства о приходских попечительствах показывает наличие все той же традиции: возлагать задачу оказания помощи нуждавшемуся населению на само население как в организационном, так и в финансовом отношении.

Отмена крепостного права поставила вопрос об организации призрения нетрудоспособных крестьян. Если ранее эта задача в какой-то мере возлагалась на помещиков, то согласно Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. призрение крестьянских сирот, престарелых и увечных крестьян, которые не имели родственников, возлагалось на сельское общество, т. е. крестьянскую общину (ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 1. 1861. СПб., 1863. № 36657. С. 141–169). Формы и источники такого призрения законодатель не определял.

Великие реформы середины XIX в. открыли новые возможности для организации системы социальной помощи населению. Создание новых социально ориентированных структур в Российской империи почти всегда осуществлялось в рамках и в процессе реформирования всей системы управления. Как уже говорилось выше, приказы общественного призрения как первые структуры социального характера были созданы в процессе губернской реформы 1775 г. Гораздо большими потенциальными возможностями в этом плане обладали земская реформа 1864 г. и городская реформа 1870 г.

В ходе земской реформы были ликвидированы приказы общественного призрения, к тому времени полностью утратившие свою эффективность, а их функции возложены на уездные и губернские земские учреждения. К числу вопросов, которые законодатель возложил на земства, относились благотворительность, попечение о бедных, увечных, неизлечимо больных, умалишенных. Категории подлежащих призрению лиц были прямо перечислены в ст. 2 Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. 12. № 8708). Для реализации этой задачи земства наделялись правом устанавливать специальные сборы с населения. В конце XIX в. земства расходовали на нужды общественного призрения до 10 % от общей суммы своих расходов, что в абсолютном выражении составляло 3 млн руб. в год (Кеня 2014, 5).

Городовое положение от 16 июня 1870 г., на основании которого осуществлялась городская реформа, также возложило решение ряда социальных вопросов на органы городского самоуправления (ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. № 48498). В частности, им поручалось создание за счет городских средств больниц и богаделен на основании тех же правил, что были установлены для земских учреждений.

Здесь мы видим все ту же регулярно воспроизводимую традицию: и институционально, и финансово решение социальных проблем государство делегирует негосударственным структурам, в данном случае — органам земского и городского самоуправления. В итоге сложилась децентрализованная система общественного призрения, органы и структуры которой имели различное подчинение и разные источники финансирования. Такой децентрализованный характер общественного призрения негативно сказывался на его результатах (Симеонкина 2017, 126).

Наиболее отчетливо названная традиция проявилась в деятельности государства по развитию общественной и частной благотворительности.

Особенности благотворительности как вида социальной деятельности состоят в том, что она функционирует самостоятельно в устанавливаемых государством правовых рамках. Развитие благотворительности выгодно государству, так как оно в данном случае перекладывает на общественные организации и частных лиц задачу решения социальных проблем населения, которые само должно решать в рамках своей социальной функции. При этом перекладывается и бремя финансирования социальных расходов, что представлялось важным для правительства в условиях хронических бюджетных дефицитов, типичных для периода Российской империи.

Другая сторона благотворительности — ее факультативный характер. Благотворительная помощь, как правило, имеет разовый, а не систематический характер, порой она основана на случайном выборе объектов благотворения, и в итоге многие нуждающиеся вообще не получают помощи. Наибольшее развитие благотворительность получает не там, где много нуждающихся в помощи, а там, где много обеспеченных благотворителей.

Законодательство Российской империи предусматривало существование общественной и частной благотворительности, но на практике грань между ними была практически стерта. В то же время в указанный период эта грань обозначалась по крайней мере в доктринальных источниках, которые подчеркивали, что общественное призрение исходит от государства, а благотворительность — от частных лиц (Соболева 2008, 424). По нашему мнению, термин «общественное призрение» ни в коей мере не тождествен понятию государственного социального обеспечения ни этимологически, ни фактологически. Источником общественного призрения в Российской империи, как правило, выступали негосударственные средства. Те деньги, которые расходовали на призрение члены императорской семьи, чаще всего являлись их личными средствами либо пожертвованиями богатых благотворителей. При этом государственная поддержка в виде пенсий и пособий чиновникам и военнослужащим не подпадает под понятие «общественное призрение».

Точка зрения Н. А. Соболевой, согласно которой призрение употребляется там, где рамки соответствующей деятельности устанавливает государство, представляется сомнительной, так как и в случае с частной благотворительностью государство определяло для нее достаточно жесткие правовые и организационные рамки (Соболева 2008, 422).

В отличие от государственного социального обеспечения в его современном понимании, общественное призрение не решало и не старалось решить всех имеющихся у призреваемых проблем. Внимание структур призрения сосредоточивалось, как правило, на одной из проблем, которая и решалась с помощью пособий, организации ухода либо, реже, предоставления работы.

К общественной благотворительности относились прежде всего те крупные структуры, которые обычно находились под покровительством кого-либо из членов императорской фамилии и располагали обширным и разветвленным аппаратом, включавшим многочисленные учреждения и заведения.

В силу высокого покровительства такие общества и учреждения встречали меньше затруднений в своей деятельности и меньше проблем с финансированием. К их числу относились, например, Императорское человеколюбивое общество, Ведомство учреждений императрицы Марии и др.

Ведомство учреждений императрицы Марии частично финансировалось из государственной казны, что позволяло ему развернуть обширную деятельность. В начале XX в. количество существовавших в рамках Ведомства учреждений и заведений превышало 400, а размер капитала составлял более 120 млн руб. (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6787. Оп. 1. Д. 115. Л. 2).

Структуры, подобные названному Ведомству, вносили большой вклад в оказание социальной поддержки нуждавшимся, являясь, с одной стороны, фактически полугосударственными, с другой — соответствовавшими в своей деятельности традициям нищелюбия и милосердия. По мере накопления социальных проблем государство могло инициировать создание новых подобных обществ. Например, в связи с высоким уровнем сиротства и детской смертности в 1913 г. было создано Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, которое сразу же попало под покровительство императрицы Александры Федоровны. Такое покровительство служило определенной гарантией успешного развития общества. Принятие благотворительных обществ под высочайшее покровительство стало продолжением старинных традиций личного благотворения российских правителей. Теперь вместо раздачи милостыни по церковным праздникам, которая практиковалась великими князьями и царями, члены императорской семьи, обычно женского пола, занимались более систематической благотворительной деятельностью — организацией больниц и богаделен.

Частная благотворительность по сравнению с другими формами благотворительной деятельности наиболее религиозно мотивирована. Она направлена не столько на достижение социального результата, сколько на спасение собственной души. Благотворитель, как правило, движим не идеей социального равенства, не стремлением усовершенствовать общество, а в некоторой степени корыстными интересами — прежде всего обеспечить своей душе место в раю, что весьма значимо для человека верующего, либо получить некие блага на земле в виде наград и почестей. В связи с этим государство, стремясь поддерживать благотворительность, не скупилось на награждение наиболее крупных благотворителей как орденами и почетными званиями, так и иными привилегиями. Для поощрения благотворителей были учреждены специальные почетные нагрудные знаки, им вручались грамоты и благодарственные письма.

В Российской империи развитие частной благотворительности было проявлением исконных традиций милосердия, которые благодаря усилиям государства обрели правовое значение, отразившись в значительном числе правовых норм.

Начало комплексного подхода к формированию законодательства о частной благотворительности датируется первой четвертью XIX в. Указ от 4 января 1816 г. определил правила приема пожертвований на благотворительные нужды, установил необходимость обращать внимание на личность благотворителя и его образ жизни, чтобы избежать ситуации, когда «порочные» благотворители компрометируют само дело благотворительности (ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXXIII. № 26061).

Указ от 9 мая 1816 г. установил, что создание частных благотворительных заведений должно осуществляться на основании обязательного получения соответствующего разрешения правительства (ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XL. № 26264а). Этот Указ следует понимать в совокупности с общей политикой этого времени, когда от некоторого попустительства в отношении разного рода обществ и организаций государство перешло к их запрету, что особенно касалось тайных обществ.

Комплексно вопрос о регулировании создания и деятельности частных благотворительных обществ был решен с принятием упоминавшегося выше Устава об общественном призрении 1832 г. В соответствии с его нормами открытие частными лицами благотворительных обществ допускалось только на основании Высочайшего разрешения. Уставы благотворительных обществ и учреждений утверждало Министерство внутренних дел, оно же рассматривало отчеты об их деятельности. Порядок приема пожертвований на благотворительные цели и распоряжения этими пожертвованиями определялся гражданским законодательством.

С тем чтобы уставы благотворительных обществ соответствовали единым требованиям, для них были разработаны и приняты образцы примерных уставов. В разных типах обществ и учреждений были свои уставы, особенности которых определялись целями и задачами разных видов благотворительной помощи.

В качестве примера приведем Примерный устав обществ пособия бедным, который был разработан Министерством внутренних дел (Правительственный вестник. 1897. 12 июля. С. 2–3). Этот Устав подробно регламентировал основные вопросы, связанные с деятельностью общества, включая разрешенные виды и порядок оказания помощи нуждающимся.

Если общество при открытии копировало свой устав с Примерного устава, то в этом случае министр внутренних дел разрешал губернаторам утверждать такой устав без согласования с ним, что существенно упрощало процедуру открытия общества и сокращало время ожидания.

По мнению ученых, создание Министерством внутренних дел Примерного устава для благотворительных обществ стало следствием стремления правительства одновременно и поощрять развитие частной благотворительности, и контролировать этот процесс. Наряду с открытием благотворительных обществ, которое вполне вписывалось в государственную политику в социальной сфере, существовало стремление ограничить рамки их деятельности исключительно благотворительностью (Lindenmeyr 1990, 12).

Модель взаимоотношений государства и общественных организаций, сложившаяся в тот период, была неоднозначной. Государство, с одной стороны, старалось оказывать поддержку структурам общества, чья деятельность была направлена на

материальную поддержку нуждавшихся, с другой — сдерживало их развитие, опасаясь возможных оппозиционных проявлений (Туманова 2017, 36–37).

Такое двойственное отношение, непосредственно влиявшее на практику социальной деятельности, вполне укладывается в логику отечественной правовой традиции, которая неразрывно связана с авторитаризмом власти, тяготением к полицейскому государству, со стремлением правительства решать и контролировать все организационно-правовые вопросы.

В отличие от западноевропейских государств, где многие вопросы, связанные с оказанием поддержки нуждавшимся, решались «снизу», за счет естественного процесса формирования институтов гражданского общества, в России в течение веков аналогичная инициатива снизу отсутствовала, все негосударственные институты создавались, как правило, по инициативе самого государства, которое определяло степень необходимости и полезности для него тех или иных структур.

Отметим большой разрыв по времени между принятием Устава об общественном призвании, который заложил основы комплексного правового регулирования создания и деятельности частных благотворительных обществ, и принятием примерных уставов (1890-е гг.).

В целом именно этот период — 1890-е гг. — стал временем активизации и расцвета частной благотворительности, что было весьма кстати, учитывая, например, сильный голод, который охватил страну в 1891 и 1897 гг. В то же время контроль полицейских органов за деятельностью благотворительных обществ в этот период также был усилен. После 1880 г. этот надзор осуществлял Департамент полиции, входивший в состав МВД. Полиция собирала сведения об учредителях благотворительных обществ, их членах, выявляла злоупотребления в процессе их деятельности (Тарасова 2012, 18).

Причинами активизации благотворительной деятельности в этот период можно считать, во-первых, усиление поощрительной политики правительства в отношении благотворительных обществ и в целом любой благотворительной инициативы, не выходящей за ее рамки; во-вторых, динамику правового регулирования — принятие в 1892 г. новой редакции Устава об общественном призвании и создание ряда примерных уставов для благотворительных обществ. По подсчетам А. Линдермейр, между 1891 и 1895 гг. было открыто более 500 новых благотворительных обществ, а с 1896 по 1900 г. их число удвоилось (Lindenmeyr 1990, 13).

Легитимные условия создания благотворительных обществ и учреждений изменились в сторону либерализации в начале XX в., на волне Революции 1905–1907 гг.

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. в значительной степени упростили порядок создания благотворительных обществ (ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 27479). В этом правовом акте давалось понятие благотворительного общества. Но главное его значение состояло в том, что он разрешал создавать общества и образовывать союзы обществ без специального разрешения. Порядок открытия обществ, в том числе благотворительных, стал уведомительным. Создаваемое общество подавало заявление установленного образца, и если в течение двух недель не получало ответа на него, то имело право начать свою деятельность, получая все права юридического лица. Фактически единственным основанием для отказа в регистрации могли служить серьезные недочеты в уставе общества.

Таким образом, в Российской империи период XIX — начала XX в. стал временем трансформации традиций милосердия и нищелюбия в развитую систему общественного призрения и благотворительности. В этой сфере отмечалось принятие целого ряда нормативных актов, направленных на регулирование соответствующей деятельности и создание для нее определенных правовых рамок.

Эффективность реализации указанных нормативных актов зависела не только от их содержания, но главным образом от тех правоприменителей, которые этой реализацией занимались. В воспроизводстве правовой реальности важнейшую роль играет личностное начало, субъект права (Честнов 2009, 60).

Критерием эффективности в данном случае могут служить количественные показатели: число благотворительных обществ и учреждений общественного призрения, размер оказанной ими помощи, динамика количества нуждающихся в такой помощи и, наконец, общий уровень социального самочувствия населения.

Если рассматривать показатели, характеризующие количество существовавших благотворительных структур, то они представляются достаточно высокими. По данным за 1900 г., в Российской империи функционировали 14 854 благотворительных учреждения, в том числе 7349 обществ и 7505 заведений (Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 1–3. СПб., 1900. Т. 1. С. 1). В 2013 богадельнях получили приют 83 958 чел. Общее количество тех, кто воспользовался организованной благотворительной помощью, превысило в начале XX в. 1 млн чел., а объем оказанной помощи в денежном выражении составил более 500 млн руб. Несмотря на такие объемы помощи, нищих в стране, по официальным данным за 1897 г., было 361 тыс. (ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 115. Л. 6–7).

Что касается социального самочувствия населения, то косвенным его показателем могут служить революционные события, которые потрясли страну в 1905–1907 гг., а затем в 1917 г. В социально благополучном государстве революции, очевидно, не происходят.

В итоге мы видим, с одной стороны, существенные и все нараставшие объемы оказываемой населению социальной помощи, с другой — ее явно недостаточное влияние на общую социальную ситуацию. Это позволяет подтвердить уже известное положение о том, что благотворительность сама по себе в принципе не может решить социальных проблем населения в силу ее нерегулярного, факультативного характера. Общественное призрение в том виде, в котором оно существовало в Российской империи, также не могло справиться с этой масштабной задачей. Необходимо была государственная система социальной помощи нуждавшемуся в ней населению, но в силу целого ряда причин объективного характера такая система в то время не могла быть создана. Этому препятствовали и экономические, и политические факторы. К тому же сама идея такой системы в социально-политической мысли того времени еще не оформилась.

Деятельность государства в социальной сфере осуществляется в рамках социальной функции государства. Однако реализация этой функции начинается не с самого момента возникновения государства, но, как правило, гораздо позднее, на определенном этапе развития общественных отношений. Можно сказать, что в отличие от некоторых иных функций государства социальная функция больше зависит именно от системы общественных отношений.

Реализация социальной функции государства происходит в условиях определенной правовой среды. Правовая среда Российской империи имела ряд особенно-

стей: незавершенность процесса формирования правовой системы; высокая роль обычаев и правовых традиций; жесткий административный надзор со стороны Министерства внутренних дел и иных структур, закрепление в законодательстве сословных привилегий и ограничений, неравенства подданных между собой; бюрократическая модель осуществления государственной власти и управления; произвол чиновников.

Правовые традиции в различной среде права могут играть большую или меньшую роль, что зависит от типа общества. Россия всегда имела общество, которое относится к традиционным. Соответственно, роль правовых традиций в российской правовой среде особенно высока. Правовые традиции Российской империи оказывали существенное и нередко определяющее влияние на деятельность государства в социальной сфере и на ее правовое регулирование. В итоге именно они определяли даже сам выбор модели правового регулирования процесса реализации социальной функции государства.

3. Выводы. Под влиянием правовых традиций в Российской империи сложились важные особенности правового регулирования отношений в социальной сфере. К числу наиболее значимых из них отнесем следующие:

- 1) *делегирование государством полномочий по реализации социальной функции негосударственным структурам как в организационном, так и в финансовом плане*; фактически государство в большинстве случаев старалось самоустраниться от непосредственного решения социальных вопросов и проблем, поручая это негосударственным структурам, регулируя их деятельность в правовом и организационном отношении и поощряя ее;
- 2) *императивный характер правового регулирования социальной сферы*; нормы, принимавшиеся государством и устанавливавшие рамки и полномочия благотворительной деятельности, имели в основном императивный характер, они существенно ограничивали возможности для проявления инициативы субъектов социальной помощи нуждавшимся, не оставляли возможностей для договорного регулирования отношений в сфере общественного призрения;
- 3) *жесткий административный контроль благотворительных и иных социально ориентированных структур*; последующий контроль дополнялся контролем предварительным, так как все уставы благотворительных обществ и учреждений требовали утверждения министром внутренних дел; медленно работавшая бюрократическая машина, опасавшаяся всякого выхода за рамки установленных образцов, тормозила создание новых структур общественного призрения, препятствовала их деятельности, при этом не могла устранить имевшихся злоупотреблений; неэффективность работы всего административного аппарата сказывалась и на деятельности в социальной сфере;
- 4) *сословный характер социальной помощи*; для Российской империи была характерна длительная консервация феодальных отношений и связанного с ними сословного деления общества; соответственно, оказание социальной помощи нуждавшимся также в большинстве случаев осуществлялось на основе сословного принципа, что снижало эффективность социальной

- деятельности государства, не позволяло приступить к началу создания всеобщей государственной системы социальной поддержки населения;
- 5) *факультативный характер социальной помощи*; в современных условиях, когда государство осуществляет переход к адресному оказанию социальной поддержки населения, стоит учитывать, что такой характер оказания социальной помощи снижает государственные расходы на нее, но вместе с тем влияет на общую эффективность социальной деятельности государства; есть опасность перехода от адресной помощи к помощи факультативной, т. е. несистематической, разовой, малоэффективной; имевшаяся в Российской империи система факультативного оказания социальной помощи нуждавшимся не могла существенно повлиять на социальную ситуацию в стране, значительно снизить число нищих; в связи с этим стоит еще раз подчеркнуть необходимость всеобъемлющей государственной системы социальной защиты населения, которая могла бы способствовать успешной реализации социальной функции государства, смягчению социальной ситуации, эффективному регулированию социальных отношений.

Библиография

- Арановский, Константин В. 2002. «Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде». *Известия вузов. Правоведение* 1: 41–50.
- Берман, Гарольд Дж. 1998. *Западная традиция права: эпоха формирования*. Перевод Н. Р. Никоновой. М.: МГУ, Норма.
- Вовк, Дмитрий А. 2012. «Правовая традиция как феномен правовой системы». *PolitBook* 4: 171–181.
- Дорская, Александра А. 2016. «Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России». *Вестник Саратовской государственной юридической академии* 2: 31–36.
- Карева, Алла В. 2016. «Из истории правового регулирования социальной помощи и благотворительности в России». *Юридическая наука* 3: 15–21.
- Кеня, Ирина А. 2014. «Правовое регулирование благотворительной деятельности в дореволюционной России». *История государства и права* 24: 3–9.
- Мальцев, Геннадий В. 2013. *Культурные традиции права*. М.: Норма: Инфра-М.
- Оспенников, Юрий В. 2007. *Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв.* М.: Nota Bene.
- Панкрат, Татьяна В. 2011. *Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX — начало XX столетия)*. М.: Изд-во ПСТГУ.
- Сальников, Михаил В. 2012. «Геополитические, экономические и социокультурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России». *Правовое поле современной экономики* 11: 47–66.
- Симеонкина, Наталья Г. 2017. «Особенности правового регулирования общественного призрения в Российской империи». *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки»* 4: 124–129.
- Соболева, Наталья А. 2008. «Общественное призрение и благотворительность: из истории понятий». *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 2: 420–426.
- Тарасова, Ирина А. 2012. «Организация и осуществление полицейского надзора в сфере общественной и частной благотворительности в императорской России». *История государства и права* 23: 17–20.
- Туманова, Анастасия С. 2017. «Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей». *Вестник Тамбовского университета. Серия «Общественные науки»* Т. 3. 1: 35–42.
- Честнов, Илья Л. 2017. *Гражданское общество и право в ситуации постмодерна. Институты гражданского общества: коллективная монография*. М.: РУСАЙНС.
- Честнов, Илья Л. 2009. *Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права. Актуальные проблемы права в современной России: сборник статей*. Вып. 10. Под ред. Д. А. Пашенцева. Москва: АПКИППРО.

- Шатковская, Татьяна В. 2014. «Традиция и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект». *Журнал российского права* 4: 45–56.
- Gergen, Kenneth J. 1994. *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, Harvard University Press.
- Lacklaur, Ernesto. 1990. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London, New York: Verso.
- Lasswell, Harold D. 1960. *Psychopathology and Politics. A New Edition*. New York: Free Press.
- Lindenmeyr, Adele. 1990. “Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity”. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 807.
- Luhmann, Niklas. 1973. *Zweckbegriff und Systemrationalitaet*. Frankfurt am Main.
- Sullivan, William M. 1982. *Reconstructing Public Philosophy*. Berkeley; Los Angeles.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2017 г.,
рекомендована в печать 28 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — д-р юрид. наук; dp-70@mail.ru

The Russian legal traditions in the social sphere (historical and legal aspect)

D. A. Pashentsev

The Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation,
24, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russian Federation

For citation: Pashentsev, Dmitry A. 2018. “The Russian legal traditions in the social sphere (historical and legal aspect)”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 139–156. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.202>

The article analyzes the doctrinal approaches to the understanding of legal tradition. The author formulates his own definition of legal tradition. Using the modern post-classical methodology, the author analyzes the peculiarities of the Russian legal traditions that influenced the legal regulation of state social activity in the period of the Empire. The article shows the influence of legal traditions on the formation of the system of public charity and private charity in the Russian Empire. The author emphasizes the role of legal traditions in the development of social legislation and law enforcement practice in the Russian Empire. The article shows peculiarities of the development of Russian legislation, which regulate the establishment and activities of charities and other social institutions. The author concludes that in the period of the Empire, the state delegated their powers for implementation of the social functions of non-state institutions. The means of the population were the source of funding of public charity. Legal regulation of the social sphere was imperative. The existing legislation had established tight administrative control of the Ministry of the interior for charitable societies and institutions. The article concluded that the class character of public charity in the Russian Empire formed under the influence of legal traditions.

Keywords: legal tradition, Russian Empire, charity, public charity, social services, legislation, social function of the state.

References

- Aranovsky, Konstantin V. 2002. “Konstitutsiia kak gosudarstvenno-pravovaia traditsiia i uslovia ee izucheniia v rossiiskoi pravovoi srede” [“The Constitution of the State as Legal Tradition and the Conditions of its Study in the Russian Legal Environment”]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie* 1: 41–50. (In Russian)
- Berman, Harold J. 1998. *Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia* [The Western Tradition of Law: the Era of Formation]. Translation N. R. Nikonova. Moscow: MSU Publishing House Norma. (In Russian)
- Chestnov, Ilya L. 2009. *Chelovecheskoe izmerenie pravovoi real'nosti: na puti k formirovaniu personot-sentristskoi teorii prava* [The Human Dimension of Legal Reality: on the Way to the Formation of

- Personcentred Theory of Law]. *Aktual'nye problemy prava v sovremennoi Rossii: sbornik statei* [Actual Problems of Law in Modern Russia: Collection of Articles]. Issue 10. Ed. by D. A. Pashentsev. Moscow: APKiPPRO Publishers. (In Russian)
- Chestnov, Ilya L. 2017. Grazhdanskoe obshchestvo i pravo v situatsii postmoderna [Civil Society and the Law in the Situation of Postmodern]. *Instituty grazhdanskogo obshchestva: kollektivnaia monografiia* [The Institutions of Civil Society: a Collective Monograph]. Moscow: RUSYNS Publishers. (In Russian)
- Dorskaya, Alexandra A. 2016. "Osnovnye etapy formirovaniia gosudarstvenno-pravovoi traditsii v Rossii" ["The Main Stages of Formation of State-Legal Tradition in Russia"]. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law 2*: 31–36. (In Russian)
- Gergen, Kenneth J. 1994. *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, Harvard University Press.
- Kareva, Alla V. 2016. "Iz istorii pravovogo regulirovaniia sotsial'noi pomoshchi i blagotvoritel'nosti v Rossii" ["From the History of Legal Regulation of Social Assistance and Charity in Russia"]. *Iuridicheskaiia nauka* [Legal science] 3: 15–21. (In Russian)
- Kenya, Irina A. 2014. "Pravovoe regulirovanie blagotvoritel'noi deiatel'nosti v dorevoliutsionnoi Rossii" ["Legal Regulation of Charitable Activities in Pre-Revolutionary Russia"]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and Law] 24: 3–9. (In Russian)
- Lacklau, Ernesto. 1990. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London, New York: Verso.
- Lasswell, Harold D. 1960. *Psychopathology and Politics. A New Edition*. New York: Free Press.
- Lindenmeyr, Adele. 1990. "Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity". *The Carl Beck Paperes in Russian and East European Studies*. 807.
- Luhmann, Niklas. 1973. *Zweckbegriff und Systemrationalitaet*. Frankfurt am Main.
- Maltsev, Gennady V. 2013. *Kul'turnye traditsii prava* [Cultural Traditions of Law]. Moscow: Norma, Infra-M Publishers. (In Russian)
- Ospennikov, Yuri V. 2007. *Pravovaia traditsiia Severo-Zapadnoi Rusi XII–XV vv.* [The Legal Tradition of the North-Western Russia in XII–XV Centuries]. Moscow: Nota Bene Publishers. (In Russian)
- Pankrat, Tatiana V. 2011. *Blagotvoritel'naia deiatel'nost' prihodskikh popechitel'stv Moskvy (vtoraia polovina KhIKh — nachalo KhKh stoletii)* [Charitable Activity of the Parish Wards of Moscow (Second Half of XIX — Beginning of XX Century)]. Moscow: Publishing house PSTGU. (In Russian)
- Salnikov, Michael V. 2012. "Geopoliticheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye faktory v kontekste stanovleniia i dinamiki razvitiia natsional'noi politiko-pravovoi traditsii v Rossii" ["Geopolitical, Economic and Socio-Cultural Factors in the Context of Formation and Dynamics of National Political and Legal Tradition in Russia"]. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki* [The Legal Field of Modern Economics] 11: 47–66. (In Russian)
- Shatkovskaya, Tatyana V. 2014. "Traditsiia i modernizatsiia v prave: sravnitel'no-pravovoi aspekt" ["Tradition and Modernization: a Comparative Legal Aspect"]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law] 4: 45–56. (In Russian)
- Simeonkina, Natalia G. 2017. "Osobennosti pravovogo regulirovaniia obshchestvennogo prizreniia v Rossiiskoi imperii" ["Features of Legal Regulation of Public Charity in the Russian Empire"]. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. A Series of Legal Science 4*: 124–129. (In Russian)
- Soboleva, Natalia A. 2008. "Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost': iz istorii poniatii" ["Public Charity and Philanthropy: the History of Concepts"]. *Bulletin of the Tambov University. Series of Humanitarian Sciences 2*: 420–426. (In Russian)
- Sullivan, William M. 1982. *Reconstructing Public Philosophy*. Berkeley; Los Angeles.
- Tarasova, Irina A. 2012. "Organizatsiia i osushchestvlenie politseiskogo nadzora v sfere obshchestvennoi i chastnoi blagotvoritel'nosti v imperatorskoi Rossii" ["The Organization and Implementation of Police Surveillance in the Sphere of Public and Private Charity in Imperial Russia"]. *History of State and Law 23*: 17–20. (In Russian)
- Tumanova, Anastasia S., 2017. "Sistema vzaimodeistviia publichnoi vlasti i obshchestvennykh organizatsii v Rossiiskoi imperii, RSFSR i SSSR: sravnitel'nyi analiz modelei" ["The System of Interaction of Public Authorities and Public Organizations in the Russian Empire, RSFSR and the USSR: a Comparative Analysis of Models"]. *Bulletin of the Tambov University. Series Social Sciences 3* (1): 35–42. (In Russian)
- Vovk, Dmitry A. 2012. "Pravovaia traditsiia kak fenomen pravovoi sistema" ["Legal Tradition as a Phenomenon of the Legal System"]. *PolitBook 4*: 171–181. (In Russian)

Author's information:

Dmitry A. Pashentsev — Dr. Sci.; dp-70@mail.ru